

ГАБИТУС, ИДЕНТИЧНОСТЬ, ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ И КОГЕРЕНТНОСТЬ В ТОПОЛОГИКЕ МЕСТНЫХ СООБЩЕСТВ

Т.И. Макогон

Томский государственный университет

E-mail: makogonti@mail.ru

С помощью концепции собственной логики осуществляется описание местных сообществ. Собственная логика сообщества выявляется через структурированную практику, доксические точности, пространственное расположение. Используются понятия габитуса, идентичности, обусловленности и когерентности путей развития с альтернативным пониманием действия и структуры, описанием смысловых конструкций, детерминирующих условные реляции в специфических социальных феноменах. Определяется специфика влияния материального на социальное. Ассоциированность развития объясняется через сравнение созависимостей, шкалированных влияний различных уровней и сфер внутри сообществ. Сообщества описываются через внутреннюю смысловую зависимость, через структурирующую силу материальности, внутренние дифференциации, доминантные локальные смысловые комплексы, физически реальные пространственные структуры, теоретически представляемые топологически, через четко установленные правила, ресурсы и образцы рационального и неизменяемого порядка. Развитие сукцессивных гипотез о текстуре сообществ, в смысле собственно логического значения, достигается посредством сравнений похожего между ними и через сравнение конструкций различных типов сообществ.

Ключевые слова:

Местные сообщества, собственная логика, габитус, докса, топос, топология, глобализация, когерентность.

Концепция собственной логики местного сообщества – одна из первых смысловых конструкций для их изучения, она понятийно связана с определением габитуса сообщества и позволяет описывать местные сообщества категориями, отличающимися от дефиниций других социальных и материальных структур. Понятие собственной логики сообщества предполагает использование понятия габитуса для обозначения социального в человеческом телесном и материальном, для обозначения внутренней структуры исследуемого объекта.

Пьер Бурдье представляет габитус как категорию, которая «подчеркивает инкорпорированную историю сообщества как структурирующую его силу» [1. S. 267]. Его понимание габитуса допускает, что «дифференциация различных габитусов объяснима, например, классовой или гендерной принадлежностью, которые формируют габитус разными способами и принуждают людей различных полов и классов к различным действиям» [1. S. 267]. «Габитус – элементарный модус по производству практик. В этой связи габитус представляет собой внутренний центр субъекта. Он является исходным пунктом всех его устремлений, точкой отсчета всех целей, связующим пунктом всех его интенций; именно габитус поставляет оптику видения, основной образец видения и понимания, меру оценки, тип социального вкуса» [2. С. 165]

Социальное входит в сообщество, разворачивая собственную логику. Собственная логика является продуктом структуры сообщества как креативно-структурирующей силы, однако эта логика не может быть описана только по специфически классовым или гендерным признакам. Люди подвергаются влиянию логики места по-разному. Степень влияния, действительно, может зависеть и от полового, и от классового признака. Но дифференцировать сообщества по классам или полам можно

только в очень ограниченном смысле, для выявления отдельных логических констант.

Понятие габитуса П. Бурдье тесно связано с понятием поля [2. С. 165]. Поле и габитус – относительные понятийные изобретения, которые предлагают альтернативное понимание действия (габитус) и структуры (поле): «Отношение между габитусом и полем как раз становится условием: поле структурирует габитус, а он является продуктом инкорпорирования имманентной необходимости этого поля или одного ансамбля более или менее конкордатных (согласующихся между собой – Т.М.) полей. Но это и соотношение, пропорция когнитивной конструкции: габитус способствует созданию полем сигнифицированного смыслового и ценностного мира. Габитус – это социальное, ставшее материальным. Габитус – овеществленное социальное» [1. S. 278].

Концепт собственной логики сообщества несет в себе гипотезу, допущение, что сообщества представляют собой смысловые миры, которые входят в габитус жителей. Сообщества связаны сетью объективных отношений, но эта сеть не отвечает никакой полевой логике, так как коммуникативный мир сообщества сложно разделить на такие смысло-специфические поля, как искусство, наука или политика. Местные сообщества могут быть объяснены из собственной логики в ограничении к конкурирующим сообществам, как объясняется базис-конструкт из дифференции к территориальной форме. Теория П. Бурдье о габитусе и поле может быть применена к анализу местных сообществ с уточняющими переформулировками в отношении сообщества и его поля. Если логика сообщества объясняется понятием габитуса, необходимо уяснить, что такое поле сообщества и что может являться его условными реляциями, которые могли бы детерминировать габитус сообщества. Габитус

тус (через повседневность развернутая чувственная структура) является релевантной категорией для обдумывания овеществленных способов поведения и практических понятийных, местно-окрашенных форм этого поведения. Габитус – практическое понимание собственной логики местного сообщества. Однако нельзя ментальные черты сообщества рассматривать как вещественные диспозиции, как реально существующие расположения. Приписывание отдельному сообществу особого образа поведения несет с собой проблему превращения габитуса отдельного сообщества в упрощенный антропоморфизм. Концепция габитуса отдельного сообщества обязательно должна включать в себя понятие идентичности конъюнктуры, отражающей стечение обстоятельств, множество событий, происходящих именно в этом сообществе, чтобы подчеркнуть особенность одного сообщества перед другим.

С помощью смысловой пары «культура сообщества – идентичность сообщества» можно представлять сообщества как специфические социальные феномены. Каждое сообщество имеет свою собственную культуру. Вместе с национальными и региональными влияниями есть существенные сигнифицированные внутренние процессы развития сообщества. Культура местного сообщества может быть изображена как продукт коммуникативного действия, как у Т. Лукмана и П. Бергера. «В рамках коммуникативного действия образуются материальные и нематериальные объективации, которые составляют культуру сообщества» [3. S. 67]. При коммуникативном действии образуются и ассоциации, и союзы, и институции, местные СМИ, профсоюзы, которые несут в себе как материальные, так и нематериальные аспекты. Жители развивают типичные образы поведения в ходе исторического процесса, которые постоянно проигрываются, возвращаются. Прошедшие и современные явления действительности объединяются в топосы. Они образуют материал, из которого формируется идентичность сообщества. Чтобы снять с понятия идентичности подозрение в антропоморфизме, Габриэлла Христманн утверждает, что «если можно говорить о национальной идентичности, то можно, по праву, говорить и об идентичности местного сообщества» [4. S. 56]. Анализируя особенное в местном сообществе, мы находим идентичность в шаблонных, стереотипных высказываниях. При этом материальность сообщества остается, выделяется понятийно в структуре сообщества, а идентичность связывается с дискурсом. Обрисовать сразу и окончательно все отношения между культурой сообщества и его идентичностью просто невозможно, постоянно возникают дополнительности к этим понятиям: блеск города, гордость Томска, местные коммуникации, культура Сибирских Афин. Без сомнения, постоянные центральные темы брэндов являются приметой специфических процессов на местах.

Исследования габитуса позволяют перенести влияние специфики сообщества на вещественные, материальные субстанции. Например: в одном сообществе ходят люди быстрее или медленнее, появляется у них больше или меньше аллергий, реагируют на шум восприимчивее, активнее в спортивной и культурной жизни. Отсюда вытекает фигурация «топос–идентичность» при установлении наблюдаемых различий через историческое развитие. Различия уплотняются, кристаллизуются в культуру сообщества. Становятся объяснением для производства и репродукции своего собственного общественного модуса. Мы предлагаем продумывать «топосы–идентичности» в их привязке к базальной, собственно логической структуре сообщества, так как это имеет большую исследовательскую перспективу.

Еще одна смысловая конструкция, с помощью которой можно изучать местные сообщества – это «логичность, связность, ассоциированность, зависимость, обусловленность, последовательность пути» местного сообщества. Этот концепт достаточно давно применяется для объяснения различных дифференциаций в научных изысканиях. Мы вышли на этот концепт через тексты экономиста и математика Артура Бриана (W. Brian Arthur) [5] и историка экономики Пауля Давида (Paul A. David) [6] и решили, что он может быть использован и в социально-философском измерении. Концепт ассоциированности или обусловленности пути сообщества ими был выведен из анализа, показывающего, что не всегда эффективные технологии являются главными двигателями экономического прогресса, иногда на этот процесс решающее влияние оказывают на первый взгляд несущественные, ограниченные процессы или случайности, которые, однако, могут привести к субоптимальным инновациям и стать доминирующими. Продолжение идеи обусловленности, связности, созависимости пути местного сообщества имеется также у экономиста и историка экономики Дугласа Норта [7]. Однако он расширяет влияние этого концепта в целом и на институциональные изменения в сообществе. Именно институционально-экономическим концептом созависимости Д. Норт объясняет различия между обществами (экономиями). Для Д. Норта не только случаи или незначительные события конституируют нити созависимости, но и процессы созависимости направляются им на ограниченную рациональность действия акторов и также на высокую стоимость трансакций при изменении институционального порядка. Изменения он объясняет как зеркальный ответ на действия индивидуальных акторов и организаций. Техника при этом является собственным интересом этих акторов, так же как условия соревновательности между организациями. Д. Норт, как и Б. Артур и П. Давид, поясняет, что от связанной обусловленности действиями акторов и институций зависит высокая эффективность или плохая продуктивность при технологически-экономическом развитии.

Конечно, при переносе на социально-философский анализ связность, зависимость пути теряет четкую ориентацию на экономическую эффективность. Зависимость пути сообщества становится концептом, которым подчеркивается историчность институций, при этом понимается, что произошедшие в прошедшем решения и укоренившиеся у жителей образы мышления и повседневной жизни продолжают оказывать влияние на современные события в сообществе. Обусловленность путей развития – основная черта социальных институций в местных сообществах. Процессы исторического континуитета, непрерывности, сплошного покрытия социальных влияний можно наблюдать в местных сообществах, особенно когда нет экономических изменений. Задержка на одном-единственном варианте пути в политике объясняется, прежде всего, асимметричными, часто завуалированными властными констелляциями, стечением обстоятельств властных расположений, становится условием для повторения из-за высокой релевантности коллективного действия.

Каковы ведущие представления об обусловленности, созависимости путей развития местных сообществ? Скрепки, на которые ориентируются акторы, образуют общие основы понимания для действий. Они могут быть направлены на повышение экономической эффективности в сообществе или на идею модернизации. Изменение пути сообщества становится возможным только через инновационные действия, может быть, не очень смелые, только отдельных приверженцев, уверенных в успехе такого пути. Такая социально-философская концепция местных сообществ коррелируется с мнением о структурирующем воздействии натренированного образа мысли и повседневной жизни. С точки зрения габитуализированного действия имеет важность и историчность событий. Однако собственная логика сообщества выводится не только из исторических отношений, но и одновременно из отношений современности. Базисный постулат, что можно знать многое о сообществе, зная все об его историческом пути, в нашем случае не всегда срабатывает, если мы не дополняем этот постулат представлениями о современных коммуникативных сетях, которыми сегодня охвачено сообщество. Концепт пути и его имплицитную, запутанную ориентацией на акторов и институции, логику можно переносить и на сообщества, развитие которых обусловлено, прежде всего, местом их расположения.

Известный современный социолог Мартина Лёв утверждает, что, например, Венеция и сегодня своим местоположением привлекает всех людей мира к себе. Причем именно ее пространственное расположение, а не политические или экономические институции Венеции усиливает одновременно исторические и современные значения конституции ее собственной логики [8. S. 94].

Отдельные индивиды, акторы также могут внести изменения в концепцию обусловленности, за-

висимости пути. Возникает новое понятие креативности пути развития местного сообщества. Такие феномены возникают в сообществах, когда, например, мэр выбирает необычную стратегию (Томск 3.0) и успешно ее претворяет в жизнь [9]. Концепция призвана сделать жизнь в городском сообществе более современной, интересной, культурно насыщенной. Превратить Томск в место, которое притягивало бы новых жителей, включить в пространство сообщества русскую традиционную культуру, классическую музыку, очистить заброшенные уголки, украсить старые заборы граффити по мотивам классических произведений, особенно креативная команда разрабатывает и осуществляет новый имидж, а смена элит делает возможными новые коалиции. Если собственная логика нацелена на городские структуры, которые практически и вещественно вызывают действия, тогда встает вопрос, как их смена повлияет на сообщество в целом. Собственная логика сообщества обращается к структурам, докисическим точностям, которые и в изменении должны будут найти собственно-логическое выражение. Анализ различных путей сообществ может дать пояснение и собственной их логики. Собственная логика сообществ не оглядывается на констелляцию акторов, как это делается при многих социально-научных исследованиях зависимостей путей сообщества, а ищет совместные пункты в действиях различных групп и индивидов. Также и собственно-логические структуры местного сообщества являются комплексными, генеративными порядками. Сложное социальное комплексное образование, такое как местное сообщество, не может быть продумано и объяснено только одним ходом пути развития.

Когерентность местных сообществ

Собственная логика сообществ может быть изложена синхронно и диахронно. Собственное в сообществах развивается как на основе исторически мотивированных событий, повествования, познаний и материальных наслоений, так и в относительном сравнении системы отношений со сходными по форме образованиями, это значит, – с другими сообществами. Интерпретации различной материальности, политические и экономические фигуры разворачиваются на историческом и пространственном сравнении. Собственно логические структуры развиваются таким способом не только из практического тренинга, в исторических отношениях, но и в пространственных отношениях, условиях, что означает, – из других одновременно происходящих развитий сообщества. Максима П. Бурдые: «Я должен удостовериться, не вовлечен ли объект, который я себе представил, в сеть отношений, и не обусловлены ли его черты существенным частями этой сети отношений» – реально действительна для нашего описания местных сообществ [1. S. 289].

Собственная логика сообществ воспринимается, постигается как структурированная практика.

И в связи с этим интегрируется точка зрения, что каждая структурная стратегия связана с определенными достижениями. До сих пор все изучения специфических структур в сообществах тяготеют к объяснению динамик развития в историческом пути. До этих пор отсутствовала, и поэтому практически не представлена реляционная система относительных понятий, формирующая собственное в сообществах. Сообщества вовлечены в сеть объективных отношений, которые, *во-первых*, структурируют их развитие дополнительно через сравнительные системы, и, *во-вторых*, объясняют развитие сообществ в условиях глобализации, расширяющихся сетей и зависимостей не только через категорию места, пространства. Структура места, в этом смысле, является также результатом процессов в других местах. Таким образом, собственная логика не может быть спроектирована концептуально без практики отграниченности и совместности отношений к другим сообществам на локальном, национальном и глобальном уровнях (города-побратимы, агломерации). Понятно это может быть выражено как связность, взаимозависимость, контактность, ассоциированность, созависимость сообществ.

Связность сообществ можно объяснить через сравнение однотипных и существующих в одно время сообществ не только из исторически складывающихся отношений, но также из их созависимостей и из шкалированных влияний различных уровней, сфер внутри самих сообществ. Георг Зиммель обращает внимание, что понятие места, пространства сообщества часто указывает не на субстанциальное его состояние, а на форму отношений с другими сообществами. Он утверждает, что развитие одного местного сообщества зависит часто от того, как другие релевантные сообщества себя утверждают и позиционируют [10. S. 710]. Франкфурт-на-Майне поставил себя на арене как американизированный город потому, что ни Кёльн, ни Берлин, ни Гамбург этого не смогли сделать [8. S. 97]. Связность, созависимость сообществ не исследована широко, однако оценить различные когерентности вполне можно по единству их соразмерности, по сбалансированности всех институциональных структур. Методологически возможно социальные феномены местных сообществ концептуализировать в различных шкалированных уровнях, выявить региональные, национальные и глобальные различные системы относительных понятий в местных сообществах. Безусловно, необходимо понимать, что не во всех городах, сообществах все сферы, уровни рассматриваются одинаково важными. Компаративные, сравнительно-исторические исследования местных сообществ сегодня состоят не только из историческо-сравнительных изложений, но и из отчетных количественных сравнительных характеристик, прежде всего, для больших городских сообществ, сетью связанных с мировым сообществом, а также из исследований, которые следуют сетевой логике.

Собственно логические структуры одного сообщества содействуют развитию другого сообщества. Сообщества партиципируют (соотносятся) на диверсивных глобальных процессах, которые происходят во всем мире, однако они анализируются иным специфическим образом. Локальные устремления одновременно выделяют специфические материальные, социальные и исторические констелляции локальности и связаны при этом с потоком людей, капиталом, информацией, имиджем и идеями. В различных конфигурациях по этническому, расовому, гендерному и другим различиям создаются различные пространства с различными отношениями и конфигурирующими значениями, но которые имеют отношение к этому самому месту. Топонимические наименования и переименования также имеют местную привязку и влияние. Собственная логика сообществ – это местно ориентированный, местно зависимый процесс, но происходящий не только в одном этом месте. Через когерентность местных сообществ логика одного сообщества может оказывать влияние на другое сообщество. Нам предстоит сформировать идеи исследования по открытию похожего в развитии сообществ и по типизации одинаковостей.

Сравнение сообществ в собственно-логическом течении имеет большое методическое значение, так как такое сравнение в первую очередь соотносит сообщества ни с чем-то третьим, а со своей собственной логикой. Общие формы сообществ принципиально сравнимы, а их соотнесение с качествами граничности, связности, гетерогенизации и культурными констелляциями дает точное описание эмпирически определенной структуры их собственной логики. Цель сравнения – собственно, понять изображение социальной концентрации в сообществе и выявить все виды собственно-логических следствий его развития. Конституциональная специфика самого объекта нашего исследования, глобальные потоки и обменные процессы, влияющие на него, усложняют вопрос о выявлении совместных основных черт как предпосылок для сравнения. Для понятия «компаративный консенсус местных сообществ» необходимо выявить общие вопросы и понятийные приемы. Смысло-логический подход изучает сообщества через их внутреннюю смысловую зависимость и анализирует по принципу, как различные качества соотносятся друг с другом, образуют структуру, способную к саморепродуцированию. Структура и структурирование, образ и процесс в сообществах могут быть продуманы различными приемами. Если сообщество идет на убыль, его структурная логика угасания будет отражена в различных темах и процессах. Допустимость такой возможности не вытекает из современной, сегодняшней перспективы, повторяемости. Она выявляется через репродуктивное правовое поле сообщества, причем локальные прогнозы становятся более эффективными, поскольку сравнение в них нацелено не только на всеобщее, но и на область горизонтальных сравнений.

Структурирующая сила материальности

Собственная логика сообщества выявляется через анализ материальных ресурсов сообщества, благодаря которому сообщество конституируется специфическим образом. Проблемы материальности воспринимаются в социальных науках достаточно адекватно и в нарративах социальной философии они достаточно представлены, поскольку всем понятно, что мир и отношения в нем материальны. В теоретических социально-философских исследованиях материальность рассматривается, как правило, через многие факты, но чаще – как открыто данная рамочная фигурация и, как правило, как общественно-теоретически менее важная вещь из-за само собой разумеющейся материальности мира. Особое отношение к материальности образовал, само собой, Карл Маркс. Понятие материи и материального базиса для него – не устойчивые сущности с различными качествами, он понимает под материальностью вокабуляр практики и производства. Он отграничивает материальное от духовного и, таким образом, дефинирует два вида деятельности. Материальность экзистенции подразумевает действительность, в отличие от мира мыслей, и указывает в этом смысле на необходимость практической деятельности, а также на наличие технологий освоения природы. К. Маркс в этом понимании материальности, прежде всего, внес вклад в то, что значение материальности стало обсуждаться в социологии техники, материальность стала представляться как сила. Словами «Ручная мельница воспроизводит, выдает общество с феодалами, паровая мельница порождает общество с индустриальными капиталистами» он описывал построенный и технически употребляемый предметный мир и его детерминированное действие на общественные структуры. Центральная его идея – человеческое существование также определяется материальными условиями [11. С. 62]. Сегодня в социально-философском дискурсе заново активно обсуждается мысль воздействия технических артефактов на процессы деятельности. Артефакты действуют в том смысле, что вызывают изменения, заставляя брать во внимание более последовательно вклад техники в организацию социального порядка. Если перенести эти основные мысли о структурирующей силе материальной аранжировки на сообщества, то можно прийти к выводу, что сообщества становятся таковыми не только из-за того, что и как люди активно в них устраивают, но и представляют силу, которая структурирует социальные практики. Таким образом, местные сообщества структурируют социальную практику.

Есть работы, показывающие, как вокзалы, транспортные терминалы через формирование материальности принуждают людей к определенному образу действия. Человеческая телесность по-прежнему материальную вещьность. Генри Лефевр [12], Пьер Бурдьё [1] и Эдвард Зоя [13] показывали, что пространственные структуры, как части общественного каркаса, содержат свою собствен-

ную силу действия. В последовательности это означает, что местные сообщества как пространства действуют, социализируя. Джон Урри выразил это таким образом: «Я хочу аргументировать, что время и пространство как продуцируемые и продуцирующие могут быть представлены символически структурно организованными» [14. Р. 160]. Эту структурирующую силу материальных ресурсов упоминает также Дэвид Харвей. «Я хочу подчеркнуть, что пространственные отношения и географические феномены имеют материальные черты, которые могут быть использованы для начала анализа и что формы, которые они принимают, не могут быть нейтральными с точки зрения возможных путей развития. Материальные черты должны быть интерпретированы в противоречивой динамике капитализма как основополагающие и активные» [15. Р. 33]. Пространственные отношения как материальные границы и качества фундаментальны и структурируют развитие сообществ, – аргумент Д. Харвея. Появление социальных дифференциаций в сообществах базируется существенно на способностях, которые влияют на производство пространства. Определение границ и пространственный контроль являются аспектами в совместной игре пространственных, временных и денежных дискурсов. Для продажи, например, земельных участков правильно выбранное время продажи может стать решающим фактором получения наибольшей прибыли. Таким образом, по Д. Харвею время, пространство и деньги между собой могут конвертироваться. «Наличие денег делает возможность контроля над пространством и временем, также как власть над пространством и временем создает финансовую прибыль, это известно любому маркетологу», ? писал Д. Харвей [16. Р. 158]. Резидентальную сегрегацию он понимает как феномен, который продуцируется не только социально, но и вызывает общественные отношения. У Д. Харвея пространство в его материальности действует по собственной динамике. Э. Зоя разделяет с Д. Харвеем марксистский фундамент пространственной теории, которая и время, и историчность хочет интегрировать как центральные составляющие. Э. Зоя, желая перенести пространственно-временную перспективу на общество и социальную жизнь, эксплицитно эту точку зрения определяет как историческую географию капитализма. При этом он предлагает делать различие между пространством как данностью и пространством, продуцированным социальным. Его триалектика пространственности, историчности и социальности раскладывает пространственность/география, временность/история и общественность/общество на три друг от друга отделенные, но сообщающиеся поля. Историчность всегда окрашена пространством, сообщество пространственно и темпорально структурировано. Э. Зоя всегда подчеркивал своеобразное действие пространства. Он выступал против представления, что история совершается в пассивно данном пространстве, но также и против

того, что пространства порождают социальные процессы. Он отстаивал точку зрения, что география – это пространственность, и она одновременно социальный продукт и формирующая сила, или медиум социальной жизни [13. Р. 76].

Со ссылкой на Э. Гидденса и П. Бурдье Томас Гирич утверждает, что даже здания имеют двойную реальность [17. Р. 37] Они структурируют и могут быть структурированы. Они стабилизируют социальную жизнь. Они не только импозантно возвышаются, но и влияют на объекты интерпретации и рассказа в их материальном присутствии на течение действительности. М. Вильковский в «Социологии архитектуры» отмечает: «Сначала мы строим свои сооружения, потом они формируют нас» [18. С. 345].

В философии материальности Т. Адорно, М. Хайдеггера и Л. Виттгенштейна мы нашли живые описания того, как реальные пространственные объекты формально внедряются в наше телесное. «Иногда при посещении галереи, выставки или даже супермаркета кажется видимым, якобы взгляды посетителей, их жесты, их скорость, движения управляются экспонатами и выставленное их программирует и руководит их телами, как эстетический механизм и, таким образом, эти посетители входят сами в элементы, субъекты и мелочи выставочных экспонатов» [19. С. 8]. Как следствие, это означает, что не только абстрактно капиталистический порядок действия структурирует, но и совсем конкретный жилой микрорайон, транспортные пути или сообщества могут выступать как материальные контексты. Перенос на общественные, социальные структуры приводит к заключению, что пространственно-структурные образцы (типа национально-государственных границ) могут предварительно структурировать социальные дифференции. Переноса эту сентенцию на маленькие масштабы местных сообществ, мы можем выявить локальные пространственные образцы, определить их возможное влияние на динамику структурирования в сообществе. Это указывает на то, что пространства познаваемы не только материально, предметно, но они влияют на телесное, социальное. Получается, что пространства – не только продукты действий, но они могут также структурировать институты действий в сообществах.

Глобальное, национальное и локальное имеют различную величину в предметной рефлексии, эти констелляции открывают новое поле для исследования социологии сообществ не только в направлении конституции собственной логики. Через глобальную сеть и глобальные зависимости возникает новое направление исследования о возникновении и репродукции собственной логики сообществ через их специфические порядки и местно-зависимые познавательные качества. Социальное может быть понято только из пракселогической перспективы, как состоит его материальность и имплицитная, нерационализирующая логика. Социология ищет собственную логику в имплицитном по-

нимании, как пространственность попадает в телесное, в материальность сообщества и репродуцируется в повседневной жизни. Практическое знание о сообществах возникает как результат структурирующей и структурированной практики и затем показывает себя в реальности, в экспертных культурах внутри институций и организаций и в материальных ресурсах общества. Материальное качество сообщества вносит существенный вклад в структурирование способов поведения и практики. Материальность сообщества может быть продумана как пространственный и темпоральный хранитель возникших строительных ландшафтных и исторических единиц, который наполняет материальный субстрат для смысло-материального познания места. Важным методическим следствием является то, что практический смысл в сообществах всегда развивается со ссылкой на символические и также на материальные ресурсы. Наше исследование показало, что всегда выявляется двойной фокус: как место, пространство сообщества со значением организуется и как люди через это место, пространство сами конституируются (или как реальное место влияет на социальные интеракции сообщества).

Материальность сообщества можно считать по его образным представлениям. Образы, картины как символические синтетические достижения сообщества отображают материальность его пространства, они вписываются в материальность также, как коммуникации. Они как визуальные аргументы политического, исторического и нормативного значения развиваются в социальном сообществе и привязаны к материальности пространственных конституций. Обозначенное ранее нами мыслительное движение «пространственный поворот» (*spatial turn*) рассматривает пространство как основополагающую форму и материально обусловленное образование отношений общественных повседневных и повествующих практик в сообществе. Есть предложения в социально-философском дискурсе сообществ одинаково проводить *iconic/pictorial and spatial turn*, которые берут во внимание привязку образов к месту и способность места к действию, в переносе на материальность. Термин «Иллюстрированный поворот (изобразительный поворот) (*iconic/pictorial*)» введен в 1992 г. Вильямом Джоном Томасом Митчеллом [20], который в свое время обучался на текстах Маршалла Маклюэна [21] и Мишеля Фуко [22]. В. Митчелл пытался на основе иконологии Эрвина Пановского реабилитировать мышления в образах и об образах. Он фокусируется на сущности и важности образов, материальности изображения и хочет соединить образный, иллюстративный поворот с социальными и политическими вопросами [23]. О знаковом повороте, иконическом, символическом повороте впервые заговорил Готфрид Бём в 1994 г. «Речь о знаковом повороте была интересной, вдумчивой попыткой сохранить идею согласно чисто немецкой традиции об абсолютности, ау-

ры искусства против употребления изображений по их медиальному пониманию» [24. S. 5]. Знаковый поворот Г. Бёма ориентирован на герменевтику Георга Гадамера [25] и Макса Имдаля [26]. Тогда как В.Д.Т. Митчелл фокусируется на использовании иллюстративного, образного поворота в повседневной культуре и науке, постановка вопроса Г. Бёмом более основательна, он задумывается еще и о «лингвистическом повороте», – как образы воспроизводят, рожают смысл, воспроизводят собственный логос в социальных системах.

Сообщества могут быть поняты из практического знания и сравнительных динамик, например, по континентальному расположению (европейский город, американское местное сообщество) или по большим властным категориям (город мирового значения, мегасити, глобальный город). Объект исследования социальной философии – сообщество, может через понятие формы конструироваться практикой. Таким образом, *во-первых*, местное сообщество может быть познано и реконструировано как структурное единство, *во-вторых*, – как система, *в-третьих*, – как собственно-логическое образование. Можно дифференцировать форму жизни сообщества в трех категориях: 1) специфическая физически реальная структура; 2) специфическая социальная организационная система; 3) образование с собственной логикой, составом позиций и мыслей.

Выводы

Исследование, анализирующее собственную логику местного сообщества, развития его по собственному смыслу, неизменно выявляет креативную силу специфического структурирования его практики. Собственная логика местных сообществ выявляет все основные диспозиции, которые привязаны к материальности и социальности и конституируются в системе национальных и глобальных черт. В контексте сообществ собственная логика одного сообщества может быть сотрансформи-

рована в другом. Связность сообществ указывает на то, что собственная логика никогда не объясняется только историческими условиями, она выстраивается также и из сравнения двух и более одинаковых по форме сообществ. Что до сих пор воспринималось только через перенесение телесно-ориентированного концепта на сообщества (габитус сообщества), через персональные черты на сообщество (биографии сообщества) и как эмоциональная сфера (структура чувствований), сейчас может быть изображено как местно-специфическая структура и ее реализация через доксу и габитус. Собственная логика сообщества как вопрошаемая достоверность, точность об этом сообществе находит свое выражение в различных выразительных образах, это одновременно означает – в материальности и в символической. Материальные ресурсы одновременно являются элементами социальной практики, которые в собственно логических достоверностях влияют как символически структурирующая практика. Каждое сообщество имеет внутренние дифференциации. Социальный уровень, возрастные группы и гендеры в повседневной жизни ориентируются на структуры сообщества и на доминантные локальные смысловые комплексы. Местное сообщество – физически реальная пространственная структура, теоретически представляемая топологически. По предпосылкам пространственной дифференцированной формы местное сообщество воспринимается как пространственная структура через четко установленные правила, ресурсы и образцы рационального и неизменяемого порядка в нем. Пространственные структуры вытекают из технико-материальной структуры сообщества, они реализуются в овеществленном, материальном виде с помощью габитуса. Развитие сукцессивных гипотез о текстуре сообществ, в смысле собственно логического значения, достигается посредством сравнений похожего между ними и через сравнение конструкций различных типов сообществ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Bourdieu P. Die Praxis der reflexiven Anthropologie // In: P. Bourdieu, Wacquant L. Reflexive Anthropologie. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1996. – S. 251–294.
2. Макогон Т.И. Возникновение топологического восприятия пространства в теориях социальных полей // Известия Томского политехнического университета. – 2012. – Т. 321. – № 6. – С. 162–166.
3. Berger P., Luckmann T. Die gesellschaftliche Konstruktion der Wirklichkeit // Eine Theorie der Wissenssoziologie. – Frankfurt am Main: Fischer, 1970. – 220 S.
4. Christmann G. Dresdens Glanz, Stolz der Dresdner: lokale Kommunikation, Stadtstruktur und städtische Identität. – Wiesbaden: Deutscher Universitäts-Verlag, 2004. – 416 S.
5. Brian A. Increasing Returns and Path Dependence in the Economy. – Ann Arbor: University of Michigan Press, 1994. – 201 P.
6. David P. Clio and the Economics of QWERTY // American Economic Review. – 1985. – V. 75 (2). – 332–337 p.
7. North D. Economic Performance through Time // In: Brinton M., Nee V. The New Institutionalism in Sociology. – Stanford: Stanford University Press, 1998. – P. 247–257.
8. Löw M. Soziologie der Städte. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2008. – 289 S.
9. Михайлов В. Апгрейд пространства до версии 3.0. URL: http://expert.ru/siberia/2012/13/apgrejd-prostranstva-do-versii-3_0/. (дата обращения: 20.01.2013).
10. Simmel G. Der Raum und die räumliche Ordnung der Gesellschaft // Soziologie: Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung. – Gesamtausgabe, Band II. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1995–1998. – S. 687–790.
11. Маркс К., Энгельс Ф. Ницета философии. Соч., Т. 4. 2 изд. – М.: Прогресс, 1955. – 178 с.
12. Lefebvre H. Die Produktion des Raums // Raumtheorie. Grundlagentexte aus Philosophie und Kulturwissenschaften. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2006. – S. 330–340.
13. Soja E. Thirdspace. Journeys to Los Angeles and Other Real-and-imagined Places. – Cambridge; Oxford: John Wiley & Sons, 1996. – 348 p.
14. Urri J. Time and Space in Giddens Social Theory // In: Bryant C., Jary D. Giddens Theory of Structuration. A Capital Appreciation. – London; New York: Routledge, 1991. – P. 160–175.

15. Harvey D. *The Urbanization of Capital Studies in the History and Theory of Capitalist Urbanization*. – Baltimore: John Hopkins University Press, 1985. – 239 p.
16. Harvey D. Geld, Zeit, Raum und die Stadt // In: Wenz M. *Stadträume. Die Zukunft des Städtischen*. – Frankfurt am Main; New York: Campus, 1991. – P. 149–168.
17. Gieryn T. What Buildings Do // *Theory and Society*. – 2002. – № 31 (1). – P. 35–74.
18. Вильковский М.Б. *Социология архитектуры*. – М.: Типография Момент, 2010. – 588 с.
19. Schwarte L. *Die Regeln der Intuition, Kunstphilosophie nach Adorno, Heidegger und Wittgenstein*. – München: Wilhelm Fink Verlag, 2000. – 275 S.
20. Mitchel W. *Bildtheorie*. – Frankfurt am Main: Surkamp, 2008. – 497 S.
21. Маклюэн М. *Галактика Гутенберга. Становление человека печатающего*. – М.: Академический проект, 2005. – 496 с.
22. Фуко М. *Слова и вещи. Археология гуманитарных наук*. – М.: Прогресс, 1977. – 488 с.
23. Panofsky E. *Architecture gothique et pensée scolastique. Traduction et postface de Pierre Bourdieu*. – Paris: Editions de Minuit, 1967. – 217 p.
24. Boehm G. *Die Wiederkehr der Bilder // Boehm Gottfried. Was ist ein Bild?* – München: Wilhelm Fink Verlag, 1994. – S. 1–38
25. Гадамер Х.Г. *Истина и метод // Основы филос. Герменевтики*. – М.: Прогресс, 1988. – 704 с.
26. Имдаль М. *Опыт другого видения: статьи об искусстве X–XX веков*. – Киев: Изд-во «Дух і Літера», 2011. – 488 с.

Поступила 25.01.2013 г.

UDC 114

HABITUS, IDENTITY, PREDICAMENT AND COHERENCE IN TOPOLOGY OF LOCAL COMMUNITIES

T.I. Makogon

Tomsk State University
E-mail: makogonti@mail.ru

Local communities are described by the concept of self logic. The local community self logic is determined through the structured practice, doxology accuracy, spatial arrangement. The author uses the concept of habitus, identity, predicament and coherence of the development patterns with the alternative comprehension of action and structure, description of semantic constructions determining conditioned reports in particular social phenomena. Specific nature of material principle on social one is determined. Associativity of development is explained by comparison of codependencies, scale affect of different levels and spheres inside the community. The communities are described by the inner semantic dependence, by the structuring strength of materiality, inner differentiations, dominant local semantic complexes, physically real spatial structures represented topologically, by the clear regulations, resources and samples of rational and permanent order. The development of successive hypotheses on the community structure in terms of properly logic meaning is achieved when comparing something similar among them and comparing the constructions of various types of communities.

Key words:

Local community, self logic of community, habitus, doxa, topos, topology, globalization, coherence.

REFERENCES

1. Bourdieu P. The practice of the reflexive anthropology [Die Praxis der reflexiven Anthropologie]. In: P. Bourdieu and Wacquant L. *Reflexive anthropology*. Frankfurt-on-Main, Surkamp, 1996. pp. 251–294.
2. Makogon T.I. Vosniknovenie topologicheskogo vosprijatija prostranstva v teorijach sotsialnyh poley [The emergence of topological perception of space in theories of social fields]. *Bulletin of the Tomsk Polytechnic University*, 2012, vol. 321, no 6, pp. 162–166.
3. Berger P., Luckmann T. *The social construction of reality* [Die gesellschaftliche Konstruktion der Wirklichkeit]. Theory of the sociology of knowledge. Frankfurt-on-Main, Fischer, 1970. 220 p.
4. Christmann G. *Dresden Shine, Pride of the Dresden: local communication, urban structure and urban identity* [Dresdens Glanz, Stolz der Dresdner: lokale Kommunikation, Stadtstruktur und städtische Identität]. Wiesbaden, Deutscher University publishing house, 2004. 416 p.
5. Brian A. *Increasing Returns and Path Dependence in the Economy*. Ann Arbor, University of Michigan Press, 1994. 201 p.
6. David P. Clio and the Economics of QWERTY. *American Economic Review*, 1985, vol. 75 (2), pp. 332–337
7. North D. Economic Performance through Time. In: Brinton M., Nee V. *The New Institutionalism in Sociologie*. Stanford, Stanford University Press, 1998, pp. 247–257.
8. Loew M. *Sociology of the cities* [Soziologie der Städte]. Frankfurt-on-Main, Surkamp, 2008. 289 p.
9. Mikhaylov V. *Aprejd prostranstva do versii 3.0* [Upgrade space to version 3.0.] Available at: http://expert.ru/siberia/2012/13/apgrejd-prostranstva-do-versii-3_0/. (accessed 20 January 2013).
10. Simmel G. The room and the spatial order of the society [Der Raum und die räumliche Ordnung der Gesellschaft]. *Sociology: studies on the forms of socialization*. Joint publication, vol. II. Frankfurt-on-Main, Surkamp, 1995–1998, pp. 687–790.
11. Marks K., Engels F. *Nishcheta filosofii* [The Poverty of philosophy]. Moscow, Progress, 1955. Vol. 4, 178 p.
12. Lefebvre H. The production of space [Die Produktion des Raums]. *Theory of contemporary performance. Grundagentexte of philosophy and cultural studies*. Frankfurt-on-Main, Suhrkamp, 2006, pp. 330–340.
13. Soja E. *Thirdspace. Journeys to Los Angeles and Other Real-and-imagined Places*. Cambridge; Oxford, John Wiley & Sons, 1996, pp. 74–78.
14. Urri J. Time and Space in Giddens Social Theory. In: Bryant C., Jary D. *Giddens Theory of Structuration. A Capital Appreciation*. London; New York: Routledge, 1991, pp. 160–175.
15. Harvey D. *The Urbanization of Capital Studies in the History and Theory of Capitalist Urbanization*. Baltimore, John Hopkins University Press, 1985. 239 p.

16. Harvey D. Money, time, space, and the city [Geld, Zeit, Raum und die Stadt]. In: Wentz M. *City-rooms. The future of the City*. Frankfurt-on-Main; New York, Campus, 1991, pp. 149–168.
17. Gieryn T. What Buildings Do. *Theory and Society*, 2002, no. 31 (1), pp. 35–74.
18. Vilkovsky M.B. *Sotziologiya arkhitektury* [Sociology of architecture]. Moscow, Printing Moment, 2010. 588 p.
19. Schwarte L. *The rules of the Intuition, philosophy of art according to Adorno, Heidegger, and Wittgenstein* [Die Regeln der Intuition, Kunstphilosophie nach Adorno, Heidegger und Wittgenstein]. Munich, Wilhelm Fink Verlag, 2000. 275 p.
20. Mitchel W. *Image theory* [Bildtheorie]. Frankfurt-on-Main, Suhrkamp, 2008. 497 p.
21. McLuhan M. *Galaktika Gutenberga. Stanovlenie cheloveka pechatayushchego* [Gutenberg Galaxy. Becoming human printing]. Moscow, Academic project, 2005. 496 p.
22. Fuko M. *Slova i veshchi. Archiologija gumantarnych nauk* [Words and things. Archaeology of the human Sciences]. Moscow, Progress publishers, 1977. 488 p.
23. Panofsky E. *Gothic and thought scholastic architecture. Translation and postface of Pierre Bourdieu* [Architecture gothique et pensée scolastique. Traduction et postface de Pierre Bourdieu]. Paris, Editions of Midnight, 1967. 217 p.
24. Boehm G. The return of the pictures [Die Wiederkehr der Bilder]. *Boehm Gottfried. What is a picture?* Munich, Wilhelm Fink publishing company, 1994. pp. 1–38
25. Gadamer H.G. *Istina i metod* [Truth and method]. *Bases philosoph. Hermeneutics*. Moscow, Progress, 1988. 704 p.
26. Imdal M. *Opyt drugogo videniya: statyi ob iskusstve X–XX vekov* [Experience of other vision: articles about art of the X–XX centuries]. Kiev, Spirit of i Litera Publ. house, 2011. 488 p.

УДК 114

ЛОКАЛЬНОЕ И ГЛОБАЛЬНОЕ В МЕСТНЫХ СООБЩЕСТВАХ

Т.И. Макогон

Томский государственный университет
E-mail: makogonti@mail.ru

Осуществляется социально-философский анализ обстоятельств, происходящих в местных сообществах под влиянием глобализации. Выявляются способы и формы противодействия в местных сообществах негативному влиянию глобальных процессов. Определяются новые социальные явления, вызванные глобальными влияниями. Соотносятся шкала глобализирующих процессов и уровень переплетения глобальных отношений и отношений зависимости в местных сообществах в разных взаимодействующих полях, описывается уровень сетевого включения в полевые практики сообщества. Местные сообщества представляются топологическими пространствами, имеющими различные пространственные логики. Исследование позволяет размерность локального, измеряемого в шкалировании, воспринимать как отправную систему рядом с национальным и глобальным. Местные сообщества изображаются не только как глобальные конструкции локального, но и как локальные конструкции глобального. Глобализация и локализация являются параллельно протекающими в местных сообществах процессами.

Ключевые слова:

Местное сообщество, топология, глобализация, гомогенизация, гетерогенизация, собственная логика, идентичность местного социума, локальная практика.

Местные сообщества выступают механизмами сохранения локальной идентичности местного социума. Главная их особенность в том, что это миры повседневности, где все социальные отношения основываются на непосредственных отношениях между людьми. Здесь принципиально важно то, что сфера повседневной жизни местных сообществ является базовой основой формирования местных идентичностей. А именно, локальная, местная идентичность наполнена устойчивой информацией, непосредственно передающейся от поколения к поколению ? традициями, верованиями и т. д. – этими «первоначальными» знаниями, из которых создается первичный российский менталитет – менталитет российской повседневности. Процессы развития и укрепления местных сообществ вполне могут противодействовать глобальной мегасистеме, которая стремится перестроить мир только в своих собственных интересах [1. С. 49].

Сознание единства мира – самое большое достижение глобализации, однако чтобы сохранить, не

привести к распаду специфические, своеобразные локальные сообщества, необходимо уметь выявлять, анализировать обстоятельства, происходящие в сообществах под влиянием глобализации. Общепринятым является мнение, что сообщества при условиях глобализации попадают в ситуацию потери своеобразия. Специфические формы сообществ под функционалистским влиянием глобализации размываются, теряют уровень своего социального влияния. Мануэль Кастельс отмечает, что глобализационные процессы нивелируют все локальные и исторические проявления: «Моя гипотеза свидетельствует, что приход пространства глобальных потоков стирает смысловые отношения между обществом и его архитектурной. Пространственная манифестация господствующих интересов пронизывает все культуры в мире вдоль и поперек, ведет к перемещению знания истории и специфической культуры на задний план, способствует общему распространению внеисторической, внекультурной архитектуры» [2. С. 44].